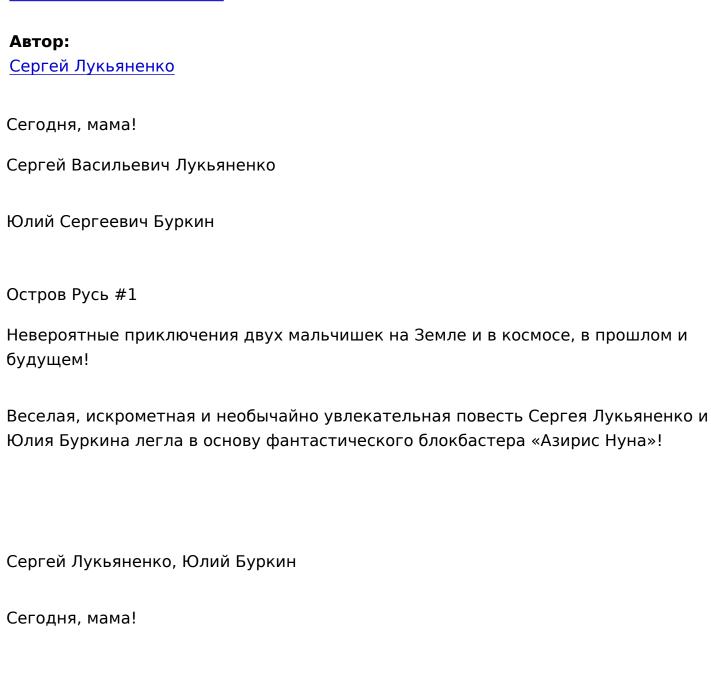
Сегодня, мама!

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

О маминых кошках, папиных инопланетянах и о том, как мы учили древнеегипетский

Я проснулся, когда Ирбис, красный персидский кот, заворочался на подушке и ткнул меня в нос хвостом. Хвост был мягкий, на самом кончике белый и особенно пушистый.

Когда персидские коты линяют – это плохо. А если они при этом еще и любят спать на твоей подушке, это кошмар. Я осторожно взял Ирбиса за кончик хвоста и сделал вид, что собираюсь дернуть. Кот презрительно посмотрел на меня медно-красными глазами и отвернулся. Чихать он на меня хотел. Двенадцатилетние мальчики нигде не считаются священными, а вот коты – да: в Египте.

- Стас, - тихонько позвал я. - Стас, ты дрыхнешь?

Брат не ответил, лишь сверху доносилось его сонное посапывание. Он спит надо мной – у нас двухэтажная кровать, и мой одноклассник Валька Мельник сказал однажды, что это как в тюрьме. Я не нашелся что ответить, а Стас сразу поблагодарил Вальку за информацию, потому что мы в тюрьме еще не бывали. Вышло так, будто Валька сидел в тюрьме. Он обозлился, обругал за это Стаса и плюнул в него. Но не попал.

- Стас! - позвал я для порядка еще разок, подхватывая Ирбиса под теплое толстое брюхо, встал и заглянул на его кровать. Разумеется, брат спал, подушка у него не была усыпана кошачьими волосами, и только в ногах лежал маленький беспородный котенок, которого мама принесла вчера вечером.

Я положил Ирбиса Стасу под щеку, чтобы коту не было скучно в моей пустой постели, а беспородного, не имеющего еще клички котенка засунул ему под одеяло. Котенок начал искать выход из плена, а я побежал умываться.

В коридоре царило легкое утреннее столпотворение. Папа кормил тех кошек, что уже соизволили проснуться, а мама, стоя перед зеркалом, торопливо подкрашивала ресницы. Вот интересно: кошки – хобби мамино, а возиться с ними приходится нам с папой. Но любит она кошек прямо ненормально. Хотя вообщето она не сумасшедшая. Просто у нее есть «пунктики» – так папа говорит.

Однажды кошки начали беситься, чуть ли не по потолку бегать. Потом оказалось, что кошка по имени Собака котят ждет, а в этом случае остальные кошки психуют. Завидуют, наверное. Но мама тогда этого не знала и решила показать их ветеринару. Приходит в ветлечебницу и говорит:

- Доктор, посмотрите моих кошек.
- А где они? спрашивает тот.
- Здесь, отвечает мама, кладет на стол чемоданчик и открывает его. А там лежат восемь кошек по стойке «смирно». Лапы связаны и морды забинтованы чтобы не орали. Только хвосты туда-сюда, влево-вправо.

Вся лечебница бегала посмотреть...

Так вот, вышел я в коридор, а мама, накрашиваясь, увидела меня в зеркало и сказала:

- Хухер-мухер[1 Доброе утро (возможно, др.-егип.).], Костя.
- Хухры-мухры, цурюка[2 И тебе доброго утра, подружка (возм., др.-егип.).], торопливо пробормотал я.

Мама оторвалась от зеркала, повернулась ко мне и с возмущением переспросила:

- Цурюка? Зап ардажер, сердев ынау-мынау[3 Подружка?! Я твоя мать, сын пустынного шакала! (возм., др.-егип.).]!
- Эй! возмутился папа, переставая раскладывать корм по мискам. Я тоже немного язык знаю! Это кто же тогда ынау-мынау? Я?

- Ардажер, хухры-мухры, мухры-хухры, затараторил я. Зап Сет тага горк минерап. Зап шердап. Лапсердюк. Ыкувон, генекал ардажер. Ынау-мынау ардажер ук. Зап ынау-мынау. (Ну, сможете сами перевести? Слабо? Позор... «Мама, доброе утро два раза подряд. Сет[4 Сет довольно неприятный др. египетский бог. Примеч. авторов.] отуманил мой разум во сне. Я кривоязыкий. Мое уважение огромно. Папа, не ругайся с мамой; пустынным шакалом мама назвала меня. Я пустынный шакал».)
- Вот так-то, миролюбиво сказала мама, переходя на русский. Из-за легкого узбекского акцента казалось, что она с родного языка перешла на иностранный. Мама выросла в Ташкенте. Во время землетрясения ее родители пропали, и она жила в детдоме. Но рассказывать об этом не любит. Зато о Ташкенте может часами говорить. Если ее послушать, то на свете нет города красивее и солнечнее. И люди там особенные, и персики там, и вообще... Это ее пунктик № 2 после кошек. Нет, № 3, второй это древнеегипетский.

На самом-то деле никто не знает, как древние египтяне говорили, ведь их язык сохранился только в древних надписях, и одни специалисты, например, считают, что пустынный шакал произносится «ынау-мынау», а другие – «еня-меня». Но если уж маме пришло в голову учить нас древнеегипетскому... Мы со Стасом сначала бунтовали, но потом передумали; никто этого языка не знает, и у нас будет свой секретный шифр.

Проскользнув в ванную, я принялся ожесточенно чистить зубы. Хорошо, что сегодня суббота. Не надо учить уроки, особенно английский. А то у меня все перепуталось. В среду был пересказ текста, и я два раза «школу» вместо «скул» назвал «цурах»[5 - школа (возм., др.-егип.).]. Хорошо еще, что глуховатая Елена Константиновна, наша учительница, больше внимания обращает на уверенный тон, чем на то, что говоришь.

Бормоча детскую считалочку: «Каргаз, ушур, нердак тушур» (раз, два, третий – крокодил), в ванную вошел Стас. На плече у него, вцепившись когтями в майку и вздыбив шерсть, сидел безымянный котенок. Первым делом Стас пихнул меня, оттесняя от раковины, и начал намазывать зубную щетку, не переставая нудить: «Нердак тушур, перум, южур...»

– Будешь пихаться, схлопочешь, каракуц болотный, – предупредил я. Стасу всего одиннадцать, но все время приходится напоминать ему, кто у нас старший. –

Отпусти котенка, ему же страшно. - Хухер-мухер, - невинно сказал Стас. - Ничего ему не страшно. - Он кот или кошка? - поинтересовался я. Стас скосил глаза на котенка и сказал: - Не знаю. Он еще маленький. И пушистый. Признаки пола не выражены. - Это у тебя не выражены, дубина пушистая, - разозлился я. - Его же назвать как-то надо! - Назовем Валей, - беззаботно предложил Стас. - Это и мужское имя и женское. - А почему именно Валей? - удивился я. - Мельнику назло. А то плюется, как курдеп[6 - верблюд (возм., др.-егип.).], буркнул Стас, изучая в зеркале свою белобрысую физиономию. Он весь в папу, а я как мама: черноволосый и худой. Я вытерся полотенцем и съязвил: - Что, усы ищешь? Стас неожиданно покраснел и зашипел: - Каваока Сет шенгар[7 - Рот Сета, вымазанный гнилой едой (возм., др.-егип.).]! - Окавака Сет шенгар[8 - Нецензурно.]! - не остался я в долгу.

Дверь открылась, и вошел папа. Как раз в ту минуту, когда мы готовились вцепиться друг в друга. Папа снял котенка со Стаськиного плеча и спросил:

- Чего-то не поделили, полиглоты?

- Нет, папа, дуэтом ответили мы.
- Точно? усомнился папа. Не ссорьтесь. Чтобы драться не пришлось.

Держа котенка за шкирку, он вышел. А мы со Стасом понимающе переглянулись. Если папа начал говорить с уточнениями («выключи свет, чтобы темно стало», «позови Стаса, чтобы пришел»), – значит, он погружен в обдумывание...

- Опять инопланетян ищет, обреченно сказал Стас.
- Точно, любимым папиным словечком ответил я. Чтобы жить веселее было.

Папа у нас тоже не сумасшедший. Честное слово. Он археолог, так же как и мама. Просто папа верит в палеоконтакт. Знаете, что это такое? Те, кто верит в палеоконтакт, думают, что на Землю прилетали инопланетяне. Только не сейчас, а давным-давно, еще в первобытные времена. Так что если покопаться хорошенько в древних развалинах или просто в земле, то можно найти скелет инопланетянина, его любимый бластер или даже целый космический корабль. И это вовсе не для того, чтобы прославиться. Просто папа считает, что когда имеешь перед собой такую трудную задачу, то жить веселее и интереснее. Я с этим согласен. Жить веселее. Особенно окружающим. Стас немного помолчал, потом неохотно сказал:

- Ладно, Костя, кеп-хур-ушурбац[9 мир; точнее «время-между-войнами» (возм., др.-егип.).].
- Кеп-хур-ушурбац, согласился я.

И мы пошли завтракать.

Папа ел молча, о чем-то сосредоточенно размышляя, а мама первая никогда говорить не начинает. Она у нас сдержанная и невозмутимая. «Так и должна вести себя женщина Востока, – говорит она, – это традиция». А папа шутит: «За это я тебя и полюбил». А дело было так. Когда папа учился на четвертом курсе Ленинградского археологического, а мама – на первом, они на практике вместе попали на раскопки старинной мечети. И папа там выкопал инопланетный череп. Нужно было срочно бежать за фотоаппаратом и фиксирующим раствором, но

начался дождь. Папа испугался, что, пока он бегает, череп будет поврежден водой. Тут только он и заметил первокурсницу, которая молча копалась возле него.

- Вас как звать? спросил он.
- Галина, ответила наша будущая мама.
- Вот что, Галя, сказал он, идите сюда. Чтобы помочь. Это очень важно. Он указал на череп. Я сейчас вернусь, а вы постойте. Чтобы сберечь. Вот так, и он продемонстрировал, встав над черепом на четвереньки.

Папа все никак не мог найти раствор, а дождь стал сильнее и превратился в ливень. Только минут через сорок с фотоаппаратом, раствором и зонтиком папа примчался к своей находке... и был поражен тем, что увидел: первокурсница Галя, о которой он уже и думать забыл, все так же, не меняя позы, стояла под проливным дождем.

Но еще больше она поразила его позже, когда в Ленинграде, в студенческой аудитории, папа горячо защищал свою версию неземного происхождения найденного черепа. Студенты и преподаватели спорили до хрипоты, а потом кто-то спросил молчаливую девушку:

- Галя, а ты на этот счет что думаешь?
- Я думаю, это череп ишака, ответила мама. Даже не думаю, а знаю. Я из Ташкента, я там их и раньше видела.

Папа вскричал:

- Что же вы раньше не сказали?!

А она ответила:

- Вы не спрашивали.

Вот тут он в нее и влюбился. Такая у нас семейная легенда...

Мы молча ели, пихаясь со Стасом под столом, а только что названный котенок Валька думал, что это мы с ним играем, и кусал нас обоих за ноги. Вдруг папа очнулся и, торопливо дожевывая яичницу, спросил:

- Стасик, ты не знаешь, где у нас зубило?

За инструменты у нас отвечает Стас, но от этого вопроса и он растерялся. Зубилом мы давно не пользовались.

- На балконе, в ящике с инструментами, сказал он. И, подумав, добавил: Наверное.
- Спасибо, Стас, очень ласково поблагодарил папа, я посмотрю. Нужно зубило, чтобы...

Папа замолчал и стал прихлебывать горячий чай. Мама как ни в чем не бывало продолжала гладить настоящего египетского моа, улегшегося у нее на коленях. А мы со Стасом переглянулись. Что-то явно затевалось.

Но до самого вечера все было тихо.

Мама собралась, погудела в прихожей пылесосом и ушла в музей - она там работает старшим научным сотрудником. Через полчаса, подточив зубило напильником, пошел на работу и папа. В тот же самый музей, где он, как и мама, старший научный сотрудник. Только мама специалист по Египту, а папа - по доисторическим временам и по старинному вооружению, от австралийских боевых бумерангов до алеутских панцирей из моржовой шкуры.

У меня почему-то были сомнения, на работу ли идет папа: если уж он снова занялся поисками пришельцев, то на мелочи отвлекаться не станет. Дождавшись, когда папа кончил пылесоситься и хлопнул дверью, я выскочил в лоджию. Мы живем совсем рядом с музеем, буквально через улицу, по диагонали от него. Но папа действительно шел на работу, жизнерадостно помахивая портфелем. Пользуясь отсутствием прохожих (а откуда им взяться в полседьмого субботнего утра?), папа временами делал движения, напоминающие прием каратэ маваши-гири. Получалось у него плохо. Папа теоретик, а не практик.

Когда за папой захлопнулась музейная дверь, я вернулся на кухню. Стас развалился на табуретке (как на ней можно развалиться – не знаю, это умеет только мой брат) и очищал бутерброд с кошачьим волосом от меда. То есть наоборот, бутерброд с медом от кошачьих волос.

- Как думаешь, папа что нашел, бластер или космический корабль? задумчиво спросил Стас. Он был еще молод и не утратил оптимизма.
- Городскую канализацию, грубо ответил я, потому что помнил прошлогодний папин конфуз, из-за которого во всем квартале не было воды и соседи смотрели на нас волками.
- Да-а, протянул Стас и поскучнел. Что сегодня делать-то будем?
- Не знаю, сказал я, пытаясь сообразить, какие вообще бывают на свете дела.
- Может, пойдем по музею пошляемся, на Неменхотепа посмотрим? предложил Стас.

Неменхотеп – это фараон, точнее – мумия фараона, которая лежит в саркофаге у мамы в египетском зале. И мы иногда ходим поглядеть на него. Все-таки интересно понимать, что перед тобой не кукла какая-то, а мертвый человек, который был живым много-много веков назад. У него сморщенное злое лицо, а на руках – браслеты. Только сегодня поглазеть не получится, и я объяснил Стасу почему:

- Мама сказала, что ее зал к ремонту готовится и Неменхотепа в запасник унесли. Его к тому же еще и реставрировать будут.
- Как это, интересно, можно человека реставрировать?
- Он не человек, ответил я, он экспонат.

Стас удовлетворенно кивнул, откусил кусок бутерброда и стал разглядывать зулусский ассегай, висящий над кухонным столом. Потом лицо его оживилось, и он внимательно посмотрел на резное деревянное панно на противоположной стене. Кухня у нас длинная, и я сразу понял его идею – потренироваться в

метании ассегая. Я торопливо сказал:

- Стас, сегодня же суббота! У Димки отец на дачу уезжает, компьютер свободный!

Стас перестал жевать, подумал и сказал:

- Ага, свободный. Димка сядет в «Цивилизацию» играть, и до самого вечера.

Димка – это наш сосед, он живет над нами, на втором этаже. У его отца есть старый айбиэмовский компьютер.

- А мы прямо сейчас к нему пойдем, - нажимал я, - и сядем вместе в «Варлордов» играть.

Слава Осирису[10 - Осирис - один из самых уважаемых др. египтянами богов. - Примеч. авторов.], удалось мне Стаса отвлечь от смертоубийственных планов. «Варлорд» - тоже воинственная штука, но она хоть на экране, и ассегаи над головой не летают. Мы со Стасом дружно натянули шорты и рубашки, потом пошли в прихожую, где у нас лежит всегда включенный в сеть пылесос «Шмель», и почистили друг друга от шерсти. Наглая рыжая кошка по кличке Собака дождалась отключения пылесоса и бросилась тереться о наши ноги. Но мы быстро выскочили за дверь.

- Надо еще один «Шмель» купить, сказал Стас, давя на кнопку Димкиного звонка.
- Точно, согласился я, в два раза быстрее будем собираться. Только как родителей уговорить?
- Ерунда, отмахнулся Стас, проводок перережем, они решат, что пылесос сломался, и новый купят. А мы тут же старый починим.
- А если они его уже выкинут?
- Так они же нас выкидывать пошлют, а мы его припрячем.

Заспанный Димка открыл дверь, и мы нырнули навстречу приключениям.

«Варлорд» - это такая игра! Такая! Если вы в нее не играли, то и объяснять бесполезно. А вот если играли, то я вам коротенько расскажу: борьба шла на Иллурийской карте, против пяти варлордов, Димка играл за зеленых, Стас за красных, а я за оранжевых. У Димки было три помолившихся визарда, у Стаса четыре дракона, причем два с силой девять, а у меня только рыцарь, зато с луком Элдроса и малиновым знаменем. Все. Кто знает, тот поймет, почему мы и глазом моргнуть не успели, как оказалось, что день уже прошел. Да мы, наверное, и как ночь прошла не заметили бы, если бы не услышали, как на первом этаже хлопнула наша дверь.

- Папа с мамой вернулись, - сказал Стас, а минуту спустя, когда его драконы полегли у стен моего города, предложил: - Пойдем домой, пожевать хочется.

Если дома кто-то есть, дверь у нас не запирается. Мы вошли молча, потому что все эмоции израсходовали за игрой. Наши шумели на кухне. Тихо так шумели, уютно. Родители разговаривали, постукивая посудой, а кошки нестройно мяукали, требуя ужин.

- Есть хочется, повторил Стас. Я кивнул. И тут до нас донесся папин голос:
- И все-таки, Галина, давай поговорим, пока детей нет. Чтобы не лезли.

Мы со Стасом затаили дыхание.

- Давай, ответила мама. Только не говори мне, что нашел инопланетный корабль.
- Нашел, убитым голосом отозвался папа. Ты как узнала, Галь?
- Ты их все время находишь.

Мяуканье прекратилось – мама начала кормить кошек, и в наступившей тишине особенно отчетливо было слышно, с какой виноватой интонацией папа рассказывает об очередном космическом корабле.

- Галь, помнишь, как мы с грузчиками вчера глыбу в запасник перетаскивали? Чтобы ремонту не мешала.
- Помню, конечно, ответила мама.
- И что ты об этой глыбе знаешь?
- Все знаю. Ее нашли где-то возле сфинкса. По всей поверхности иероглифы, но такие стертые, что реставрации не подлежат. Я сама писала заключение: «Научной ценности не представляет».
- Ага! внезапно завопил папа. Не представляет?! А как мы втроем могли ее передвинуть, ты не подумала? Каменную глыбу размером три на пять метров!

Мама молчала. Потом неуверенно спросила:

- А вы ее что, втроем перетаскивали?

Папа саркастически рассмеялся.

- Вот так-то! Ближе к народу надо быть!
- K грузчикам ближе? Ну, если ты настаиваешь... покорно сказала мама. Мы со Стасом ухмыльнулись.
- Галина! Не остри! Не время. Папа, похоже, был настроен сурово. Я привык к твоему юмору. У меня иммунитет на твои выходки. Я даже не спорю, когда бедные ребята учат никому не нужный древнеегипетский...
- В жизни пригодится, отрезала мама.
- Галина! возмутился папа. Ты же восточная женщина! Ты не должна пререкаться с мужем!
- Извини, дорогой, как ни в чем не бывало ответила мама. Когда хочет, она ведет себя как восточная женщина, а когда хочет как очень даже

европейская. - Так что там с глыбой?

- Я отбил от нее кусок, - твердо сказал папа.

Наступила гробовая тишина. Потом мама сказала:

- Милый, только не волнуйся. Я приклею его на место, никто и не заметит.
- Не надо, я цемента маленько плеснул и приладил.
- Вандал! охнула мама. Ты же не реставратор! Ценна та глыба или нет, но ей уже пять тысяч лет! От волнения она заговорила стихами.
- А под тонким слоем камня отполированный металл, парировал папа.

Снова стало тихо-тихо. Аж слышно, как кошки чавкают.

Я зажал себе рот руками, чтобы не заорать. Ай да папа! А я не верил...

- Какой металл? спросила мама испуганно.
- Неизвестный науке! провозгласил папа. Правда, через секунду менее уверенно добавил: Мне, во всяком случае, неизвестный. Голубовато-серый, очень твердый. Я зубилом царапал никаких следов. Галя! Внутри глыбы, которой пять тысяч лет, пустотелый металлический предмет. Точно! Это может быть лишь инопланетный космический корабль.
- Что будем делать? очень тихо и послушно спросила мама.
- Встанем рано, чтобы долго не спать, чтобы не терять время, ответил папа. У меня глаза на лоб полезли. Впрочем... Раз уж папа нашел космический корабль, то вправе на радостях составлять и трехступенчатые фразы. У каждого лауреата Нобелевской премии должна быть своя маленькая странность, а то журналистам скучно будет.

- Обколем весь камень с корабля, продолжал он тем временем. Люк поищем, чтобы внутрь забраться, чтобы корабль осмотреть, чтобы первыми все узнать... Потом позовем журналистов и покажем. А то, если коллегам сказать, полмузея к открытию примажется. И твой начальничек Ленинбаев в первую очередь. Папа скрипнул зубами.
- Он такой же мой, как и твой, ледяным голосом сказала мама. И не цепляйся к нему зря, он человек серьезный...
- Ну конечно, язвительно согласился папа, уж он-то космические корабли не ищет. Чтобы время зря не терять. И закончил торжествующе: И не находит!

Мама что-то примирительно ответила, но что – я не расслышал, потому что мне в ухо возбужденно зашипел Стас:

- Пошли отсюда, пошли, и поволок за рукав обратно на площадку.
- Ты что?! возмутился я уже за дверью.
- Что, что! передразнил Стас. Слышал же, папа сказал, «чтобы не лезли». Они без нас туда пойдут!
- А мы попросимся, неуверенно возразил я.
- Так тебя и взяли! Он презрительно усмехнулся. Нет уж, если сами не пойдем, последние корабль увидим. Или вообще не увидим.

И, не советуясь больше со мной, он позвонил в дверь, как будто мы только что подошли.

Если бы за ужином папа или мама хоть раз заикнулись о корабле, я бы, наверное, не согласился на авантюру брата. Но, как и утром, за столом царила напряженная тишина, прерываемая только цоканьем когтей Ирбиса, которые ему лень втягивать в подушечки на лапах.

Стас не жуя проглотил свою порцию сосисок с макаронами, залпом выпил чай и, пнув меня под столом, объявил:

- Мы спать пошли.
- Угу, подтвердил я, давясь сосиской.

Мама взглянула подозрительно (обычно нас в постель загоняют со скандалом), но папа обрадованно поддержал:

- Точно, идите спать, чтобы выспаться.
- Мухер-хухер, ардажер, вдеп сьер-га сакжер-сакжер[11 Спокойной ночи, мама, ночь делает веки тяжелыми (возм., др.-егип.).], хором продекламировали мы традиционное вечернее прощанье, и мама, успокоившись, ответила как всегда:
- Минерап саг зел азет, ытар бас, ук мытар, Сет[12 Спите крепко, но и во сне не водите дружбы со слугами Сета (возм., др.-егип.).].

Проходя по коридору в нашу комнату, Стас мимоходом выудил из кармана маминого плаща связку ключей.

Мы разделись, переложили кошек с кроватей на коврики, погасили свет и нырнули под одеяла. За стенкой папа с мамой принялись что-то оживленно обсуждать.

- Стас, тихонько сказал я, а за ключи нам влетит.
- Не влетит, уверенно ответил он. Через час вернемся и на место положим.

Не нравилась мне его затея, и я, устроившись поудобнее, закрыл глаза. Я надеялся, что, до того как затихнут родители, мы оба заснем.

Но не тут-то было. Я проснулся оттого, что Стас, светя в лицо фонариком, щекотал меня под мышкой:

- Вставай, каракуц сонливый, пришельцев проспим.

Распахнув окно, я первым спрыгнул на землю, взял у Стаса фонарик и помог ему спуститься. Перебежав улицу, мы знакомой дорогой добрались до ворот музея и перелезли через ограду. Звеня связкой, Стас принялся лихорадочно подбирать ключ к двери.

- Посвети, темно, - шепнул он. Направив луч на замочную скважину, я понял, что попадать в нее ключами Стасу мешает не столько темнота, сколько дрожь в руках. Я и сам чувствовал себя соучастником преступления.

Но вот щелкнул замок, дверь скрипнула, и мы, протиснувшись в темное фойе, на цыпочках побежали под лестницу - к запаснику. Тут проблем не было, дверь открылась сразу.

Первым, что попало в круг света моего фонарика, было злобное лицо Неменхотепа. Я вздрогнул, а Стас ухватил меня за руку.

- Ни-никакой он не э-экспонат, - выдавил он, заикаясь.

Я вытер пот со лба и предложил:

- Может, домой пойдем?

Но Стас уже взял себя в руки.

– Ну уж нет, – решительно ответил он. – Первое слово дороже второго. – И двинулся мимо Неменхотепа к каменной глыбе.

Светя фонариком, мы обследовали ее и без труда нашли приляпанный папой осколок. Я легонько ковырнул ногтем, и осколок отпал. Плохой из папы штукатур.

В неровной дыре блеснул металл.

- Понял?! - забыв все страхи, вскрикнул Стас так, будто сам сделал и эту глыбу, и металлический предмет внутри нее. - Я же говорил! - и он любовно погладил голубовато-матовую поверхность.

И тут в ватной тишине запасника раздался хруст, глыба дрогнула и раскололась широкой вертикальной щелью. Мы отскочили в сторону, а щель становилась все шире, и камень, как скорлупа с яйца, осыпался с гладкой поверхности металлического предмета.

Что-то со стуком выпало из этой щели, но мы, зачарованные, не отрывая глаз смотрели на капсулу космического корабля, уже совершенно очистившуюся от каменной скорлупы.

Корабль имел форму приплюснутого шара и стоял перед нами на боку, не падая, потому что его поддерживала широко открывшаяся крышка люка. А то, что капсула на боку, я понял, разглядев внутри два пилотских кресла.

Выйдя из оцепенения первым, Стас подскочил к кораблю, уперся в него руками и крикнул мне:

- Помоги поставить!

Но помогать не пришлось. С диким грохотом капсула рухнула днищем на пол, и облако музейной пыли заклубилось в свете фонарика.

- Ты что, закричал я, сторож проснется!
- Да ладно, махнул он рукой и полез в корабль.

Я тоже решился подойти к нему, но запнулся и чуть не упал. Посветив под ноги, я увидел то, что выпало из корабля. Это была металлическая скульптура спящего сфинкса размером с большую собаку.

- Стас! - позвал я. - Посмотри!

Он высунулся и посмотрел на скульптуру без всякого интереса:

- Ты что, сфинксов не видел? Лезь сюда, тут такое!..

Я тоже забрался в корабль, и минут пять мы занимались тем, что, нажимая на разные кнопки и рычажки, играли в полет через Вселенную.

- Навигатор! кричал Стас. Приборы отказали! Посмотри в иллюминаторы, куда летим!
- Есть посмотреть в иллюминаторы! ответил я, хотя никаких иллюминаторов в капсуле не было. И тут же решил возмутиться, что Стас без всякого права узурпировал на корабле неограниченную капитанскую власть. Но вдруг в углу, у самого входа в запасник, раздался звук, похожий на сдавленный хрип.

Слегка струхнув, я посветил туда и увидел... Я увидел, как из своего саркофага медленно поднимается мумия Неменхотепа.

- Стас! закричал я шепотом, чувствуя, как шевелятся волосы на голове.
- Это нам снится, спокойно ответил Стас. Точно-точно. И укусил себя за запястье. После чего сказал: Нет, не снится. И заорал: А-а-а!

Не сговариваясь, мы ухватились за внутренние рукоятки крышки капсулы и что есть силы потянули ее вниз. Без особого труда крышка захлопнулась, а затем раздалось короткое тихое гудение и щелчок. Я сразу понял, что это сработали автоматические запоры, делающие капсулу герметичной.

С полминуты в наступившей тишине слышался только нестройный стук наших зубов. Наконец я, собравшись с духом, спросил:

- Ты что видел?
- Мумию, ответил Стас и тут же предположил с надеждой: А может, показалось?
- Обоим одно и то же?
- А что, подбадривая самого себя уверенным голосом, заявил он, вот миражи, например, сразу многие видят...
- Может, выйдешь тогда? коварно предложил я.

- Нет-нет-нет, - торопливо ответил Стас и, помолчав, спросил: - А что же делать?

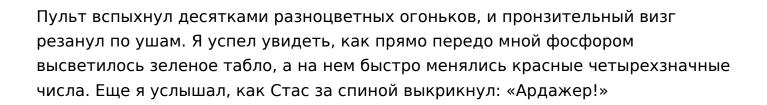
Я тоже этого не знал. В темной капсуле было не очень-то весело, а главное – душно. И дышать становилось все труднее. Я понял, что часа через два мы просто задохнемся.

- Костя, а помнишь, как прошлым летом мы с папой в лесу заблудились?
- Hy? сказал я, стараясь, чтобы голос не выдал паники, в которую я начинал впадать.
- Так я тогда два раза покойников видел. Стоят прямо как живые, руки тянут...
- Кончай пугать, дурак, и так страшно!
- Да я не пугаю, я наоборот. Подойдем к покойнику, а это дерево... Может, нам все-таки померещилось?
- Показалось, притворно согласился я, понимая, что внутри мы погибнем точно. Давай вылазить.

Но сказать это оказалось намного легче, чем сделать: сколько мы ни давили в крышку, встав ногами на пульт управления, она не подалась ни на миллиметр.

- Надо какую-то кнопку нажать, догадался Стас.
- Ты дави на крышку, а я буду нажимать, сказал я ему, сполз на сиденье и принялся жать на все подряд, подсвечивая себе фонариком. А он светил уже очень слабо, потому что батарейка была старая.

Ничего не выходило. Я уже чуть не расплакался от страха и жалости к себе, когда в правом нижнем углу пульта фонарик высветил из темноты вкривь и вкось нацарапанную надпись над большой красной кнопкой: «ВЫХОД». Даже не успев удивиться, я надавил на эту кнопку, и в тот же миг неимоверная тяжесть вжала меня в спинку, а Стас и вовсе свалился в щель за креслом.

И я провалился во тьму.

Часть первая

Послезавтра

Глава первая,

где мы понимаем, что произошло, но потом выясняется, что мы все поняли неправильно, а также сталкиваемся с проблемами, о которых космонавты не говорят

«Интересно, - подумал я, прежде чем открыть глаза, - обо что это я так треснулся?» В голове у меня все кружилось и звенело, а руки и ноги не слушались совершенно. Может, это крышка люка с такой силой откинулась? Не зря же дышать легко стало. И свет, кстати, появился.

Первое, что я увидел, был Стас. Он стоял на спинке кресла на одной ноге. Гимнаст!.. Тем более что космический корабль перевернулся и кресла были на потолке!

Я помотал головой, пытаясь привести мысли в порядок. И догадался: корабль перевернулся, а Стас зацепился за спинку и болтается вниз головой.

- Стас! - заорал я.

Брат пошевелился, вскинул голову и спросил:

- Ты чего на потолке делаешь?
- Это ты на потолке! попытался я объяснить и встал. То есть хотел встать, а вместо этого перекувыркнулся. Ощущение было таким, словно я падаю, но почему-то остаюсь на месте. Рядом с моими растопыренными руками проплыл рифленый потолок космического корабля.
- Ух ты! сказал Стас, схватился за подлокотники кресла и стал очень плавно в него садиться. Костя, ты только не падай мне на голову...

И тут я все понял.

- Не упаду, - обреченно сказал я. - Мы в невесомости, Стас.

Между нами, медленно вращаясь, проплыл потухший фонарик. Мягко стукнулся о пульт и поплыл обратно. Стас проводил его взглядом и спросил:

- А почему мы в невесомости?
- Курдеп плешивый! заорал я. Мы в космос вылетели! Понимаешь? Телевизор надо смотреть!
- А! обрадованно воскликнул Стас. А я-то уж думал...

Что он думал, я так и не понял, потому что Стас привстал с кресла, взлетел, ударил меня головой в живот и промчался дальше. Я налетел на потолок, потом рикошетом на стенку. А еще через мгновение очень крепко держался за кресло, откуда стартовал Стас. Он в это время дрейфовал под потолком, держась за голову. Потом обиженно сказал:

- Я думал, в невесомости стукаться не больно...

Торопливо оглядевшись, я вытащил из-под кресла ремень безопасности. Он болтался во все стороны, как сонный удав, но я все же ухитрился намотать его на руку. Потом легонько оттолкнулся от кресла и повис в воздухе.

- Стас, хватайся за ногу!
- У тебя кроссовки грязные, буркнул Стас, но все же ухватился. Я стал подтягивать нас к моему креслу.

Через минуту мы сидели в нем, пристегнувшись и тесно прижавшись друг к другу.

- Что будем делать? - поинтересовался Стас.

Я промолчал. Опыта пилотирования космических кораблей у меня не было, разве что в компьютерной игре «Гиперспейс»... Тут у меня возникла жуткая мысль:

- Стас, ты думаешь, мы просто на орбиту вышли или прыгнули через гиперпространство?
- Через нуль-пространство, поправил меня Стас, он был поклонником Стругацких. Потом задумался. А я, как идиот, ожидал его решения.
- Через нуль-пространство, твердо сказал Стас. На планету инопланетян.
- Почему? с ужасом спросил я.
- Так интереснее, объяснил Стас.

Тут началась миниатюрная психбольница, с двумя пациентами, но без врачей. Я начал уговаривать Стаса изменить решение, потому что... потому что просто выйти на орбиту Земли тоже интересно. Как будто Стаськино мнение чего-то меняло!

- Представляешь, с жаром говорил я, таращась на пульт, нас всей планетой спасать будут!
- Да? неуверенно спросил Стас.
- Конечно! Американцы «Шаттл» запустят, а мы «Буран»!

- «Буран» Казахстан национализировал, резонно ответил Стас. Телевизор он все-таки смотрел.
- Значит, и казахи спасать будут! уверил я. Американцы на «Шаттле», русские на «Союзе», а казахи на «Буране».

Стас помрачнел и сказал, что не хочет быть спасенным такой ценой. За спасательные работы придется столько заплатить, что вся папина Нобелевская премия уйдет. А он компьютер хочет.

- Да мы же теперь герои, а значит, ни за что не платим! Если американцы нас спасут, то в Диснейленд свозят!

Стас заколебался, но снова помрачнел:

- A если наши, то в парк имени Горького? Чего я там не видел! Не, мы не в Солнечной системе.

И тут мы оба опомнились. Разом. Стас помолчал и начал всхлипывать. А я разозлился – я всегда злюсь, когда Стас ревет. В конце концов, может, мы и не в космосе? Может, это внутри корабля антигравитация включилась, а он так и стоит в музее? Я стал разглядывать пульт, где возле кнопок были дурацкие иероглифы, а потом заметил, что они разделены на группы. И возле каждой группы – маленький схематический рисуночек. Наверное, объясняет, что эти кнопки делают. Около предательской красной кнопки был совершенно непонятный знак вроде пружинки со стрелочками на концах. А рядом, над несколькими кнопками, был нарисован самый обыкновенный глаз.

«Гуманоиды», - с радостью подумал я. И нажал на одну из этих кнопок.

- Балда! - испуганно завопил Стас.

В нескольких местах корпус корабля стал таять. И в образовавшиеся дырки был виден самый настоящий черный космос с очень яркими и разноцветными звездами. Я понял, что действительно дурак. Но воздух почему-то не выходил.

- Это иллюминаторы, - прекращая реветь, сказал Стас. - Здорово...

Он ужом выскользнул из-под ремня и ухватился за второе кресло. Устроился в нем поудобнее и сказал:

- Мы в глубоком космосе. Планет не видно.
- A у меня есть одна, похвастался я, заглядывая в иллюминатор со своей стороны.
- Какая? На Землю похожа?
- Нет, критически сказал я, разглядывая краешек планеты. На Луну похожа, только куда больше и серая. Атмосферы нет.

Стас вернулся ко мне, и мы стали разглядывать чужую планету. Она вся была в кратерах и казалась необитаемой. Садиться на нее не хотелось.

- Не упадем? деловито поинтересовался Стас.
- Сет его знает, ответил я. Может, тут еще где-то планета есть? Надо во все иллюминаторы посмотреть.
- А как до них добраться? Невесомость. Я не полезу.

Я стал прикидывать расстояние до других иллюминаторов. А Стас помолчал и задумчиво произнес:

- Невесомость... А как, интересно, космонавты в невесомости ходят в туалет?
- Эй, ты не вздумай! заорал я. Потерпеть немножко не можешь!
- Немножко могу, угрожающе сказал Стас. И принялся изучать пульт.

Я вслушался в ощущения собственного организма и с тревогой сказал:

- Должен же быть способ. Помнишь, мы читали книжку, не то «Трое с Мочамбы», не то «Три Мамбы»?

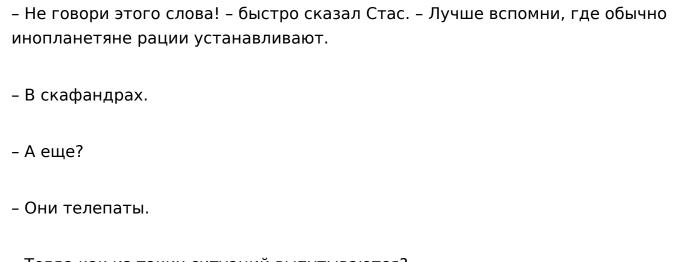
- Hy?
- Там двое пацанов и девчонка попали в космос и несколько суток летели. Они что делали?
- Ничего, угрюмо сказал Стас. Я еще удивился. Терпели, наверное.
- Значит, и мы потерпим, твердо сказал я. Пока сможем.
- На несколько суток не рассчитывай, огрызнулся Стас.

Мы помолчали. Я почувствовал, как укрепила наше братство общая проблема, и обнял Стаса за плечи.

- Двигатели надо включить, сказал Стас. Прыгать к Земле и высаживаться.
   Или искать местных жителей.
- Знать бы, где здесь жители, сказал я, оглядывая пульт. Вот если я эту кнопку нажму...
- Не надо.

Мы замолчали. Нет, плохая все-таки работа быть космонавтом. Любая мелочь превращается в проблему. Как же они все-таки...

- Ты у нас фантастику любишь, сказал Стас. Ворочай мозгами. Вспоминай.
- Ты тоже любишь, ответил я.
- Я Стругацких люблю, а это не фантастика, а литература, папиной фразой ответил Стас.
- Может, как раз в литературе наши проблемы и описаны... не выдержал я.

- Тогда как из таких ситуаций выпутываются?
- Так! заорал я и ткнул обеими руками по кнопкам.

Нас слегка тряхнуло, под потолком загорелись желтые лампочки, а звезды в иллюминаторах затянуло голубой дымкой.

– Это мы силовое поле включили, – сообразил Стас. – Хорошо, теперь нас метеориты не продырявят. Дай-ка я попробую...

Возможно, мы бы куда-нибудь и прилетели таким образом. Или взорвались бы, не знаю. Но Стас уставился через мое плечо в иллюминатор и начисто забыл о своих экспериментаторских настроениях.

Я тоже посмотрел в иллюминатор. К нам приближался самый настоящий инопланетный корабль.

Больше всего он напоминал имперский крейсер из «Звездных войн». Весь угловатый, блестящий, большой, как стадион, и ощетиненный пушками. В разных местах на корабле мигали разноцветные огоньки. Потом корабль остановился, и несколько пушек стали разворачиваться в нашу сторону.

- Это очень агрессивная цивилизация, с тревогой сказал Стас. Костя, если нас захватят, мы не должны выдавать расположения Земли. А то они всех сошлют на урановые рудники.
- Ты что, знаешь, где Земля находится? спросил я.

- Знаю. Возле Солнца, чуть ниже Марса.

Из одной «пушки» вырвался яркий белый луч. Ударил прямо в нас – и, отразившись от голубой дымки защитного поля, исчез в космосе.

- Ура! - завопил Стас. - Нас голыми руками не возьмешь!

На пульте замигали разноцветные огоньки. Я подумал и нажал наугад какую-то кнопку. Ничего не произошло.

- Торпедировать их надо, - забормотал Стас, склонившись над пультом. - Пока дезинтеграторы не включили...

«Крыша едет», - подумал я.

Из вражеского корабля, явно озадаченного нашим сопротивлением, вырвался еще один луч.

- Съели?! - злорадно засмеялся Стас.

Но голубая дымка вокруг нашей капсулы погасла. Как будто батарейки кончились.

- Съели, - подтвердил я. - Стас... Ты извини, что мы ругались.

Стас шмыгнул носом. Виновато сказал:

- Ты тоже извини, Костя. На прошлой неделе я тебе в сочинение лишних запятых наставил...
- Каких лишних? Я же четверку получил, потому что трех запятых не хватало...

Но разобраться с запятыми мы так и не успели. В борту вражеского корабля открылся огромных размеров люк. И нашу скорлупку потащило внутрь инопланетного крейсера. Именно потащило, потому что нас со Стасом прижало к спинке кресла. «Искусственная гравитация», – догадался я.

- Пытать будут, - сказал Стас.

Огромное, ярко освещенное пространство – внутренности крейсера, где мы оказались, – на мгновение мелькнуло в иллюминаторах. Затем они потемнели, словно их окатили из ведра густой черной краской.

- Ослепили, - печально сказал Стас. - Теперь уже недолго...

Словно в подтверждение его слов стены нашего кораблика задрожали. По линии закрытого люка пробежал тонкий лучик света.

- Лазером, что ли, вырезают? с неуместным любопытством спросил меня Стас. Как ты думаешь?
- Не знаю, пробормотал я, не отрывая глаз от люка. Какая, на фиг, разница?
- Лазером, однозначно решил Стас. Как в фильме «Чужие».

И зачем только Стас вспомнил про этот фильм! Я пихнул его, но было уже поздно. Мы оба замолчали, старательно пытаясь не вспоминать тех жутких инопланетян и то, что они обычно с людьми делали.

И в этот момент... в люк постучали!

- Заходите, - машинально пискнул Стас и зажал рот руками. А люк, вырезанный из петель, с грохотом вывалился наружу. Мы закрыли глаза и попытались спрятаться друг за друга, не вылезая из кресла.

Совсем рядом раздались шаги. Я чуть-чуть приоткрыл один глаз и увидел что-то высокое, желтое, маслянисто блестящее, обросшее поверху зелено-белым мхом. Почти так же страшно, как если бы вошел Чужой...

- Братки! - жизнерадостно сказал вошедший. - С чувством глубокого удовлетворения встречаем мы вас! От имени всей шараги...

Мы со Стасом вылупив глаза смотрели на говорившего. Это был высокий крепкий мужчина лет сорока в желтом комбинезоне. С пояса у него свисали пара жутко

выглядевших пистолетов и широченный нож. На лице играла радостная полуулыбка, с трудом пробивающаяся сквозь толщу коротенькой, но густой бороды. И борода, и пучки сохранившихся на голове волос были смешанного зелено-белого цвета. Словно бы от рождения были зеленые, а нынче поседели.

- ...и уполномочены заявить, - проникновенным баритоном продолжал мужчина, - что мы рады приветствовать вас у нас. Ух, как я припарился переводить торжественную речь для нашего командующего!

Последнюю фразу полузеленый произнес все тем же торжественным тоном. И до меня дошло – он заученно повторяет переведенный кем-то текст, не зная самого языка.

- А вы по-русски говорите? - осторожно спросил я.

Мужчина протянул руку, потрепал меня по щеке и торжественно произнес:

- Не волнуйся, крошка, сейчас придет дядя-переводчик, все скажет.
- Они что, по штатовским боевикам русский учили? слабым голосом произнес Стас. Заерзал, слезая с моих коленок, и с воскресшим оптимизмом добавил: Они гуманоиды, а это дает нам шансы. Зеленые волосы не беда, мы не расисты. Видимо, в них хлорофилл...
- А в оранжевых апельсиновый сок? поинтересовался я, глядя на еще одного входящего. Стас поперхнулся. Новый инопланетянин действительно имел волосы ярко-оранжевого цвета, перетянутые над глазами узким белым бинтиком. Сам он был молод, костляв и носил очки вполне земного вида. Этим привычные человеческие черты исчерпывались. Из непривычных были: очень большие и оттопыренные уши, шишки на висках и перепонки между пальцами рук, как у лягушки.
- Это два вида гуманоидов, уверенно объяснил Стас, первый питается за счет фотосинтеза, а второй с болотистой планеты, где воздух разрежен и звук распространяется плохо.

Я настолько был поражен эрудицией брата, что не нашелся, чем достойно ответить. Наверное, у него от волнения произошел интеллектуальный всплеск, но с каким-то странным завихрением... Паузу нарушил оранжевоголовый.

- Не, чувак, ты гонишь, - с непередаваемой интонацией произнес он. - Какой я тебе гуманоид с болотистой планеты? У тебя башка белая, а у него, - в мою сторону вытянулись сразу два перепончатых пальца, - темная. Но вы оба люди, и я - тоже.

Мы уже ничему не удивлялись. Лишь для порядка Стас огрызнулся:

- А для чего у вас перепонки на пальцах?
- Чего? А... Оранжевоголовый гордо оглядел руку. Я плавать люблю. В большой ванне. Вот и вырастил прошлым летом.

Мы потихоньку начали расслабляться. Ни пытать, ни убивать нас никто не собирался. По крайней мере пока. Увешанный оружием зелено-белый кротко улыбался, наблюдая за разговором. Потом сказал что-то непонятное. Молодой оранжевоголовый так же непонятно ответил.

- Это не английский и не русский, сказал Стас.
- И даже не древнеегипетский, подтвердил я.

Между тем наши собеседники окончили короткое совещание, и оранжевоголовый откашлялся.

- Давайте знакомиться, детишки, сладким голосом сказал он. Я дядя Смолянин, младший майор космофлота Земли, переводчик.
- Земли? ахнули мы с братом.
- A он, Смолянин сделал жест в сторону зелено-белого, генерал-сержант Кубатай, командующий космофлотом, лицо особо важное.

Выдержав короткую паузу, он добавил:

- На вид он хитрый перец. Но душа у него добрая, ребятишки.
- Где мы? требовательно прервал его Стас.
- На окололунной орбите, успокаивающе ответил Смолянин.
- Ура, неуверенно сказал Стас и прошипел в мою сторону: «На Луну не похоже...» Ура. А мы-то думали, что улетели в другую звездную систему.
- He, вы провалились в будущее, в две тысячи пятьсот тридцатый год. Все в порядке.

Потребовалось секунд пять, чтобы улыбка облегчения сползла с наших лиц. Стас, пораженный крахом своих гипотез, притих. А я спросил:

- Так это... то, в чем мы были... это не космический корабль инопланетян?
- Нет, слегка сочувственно ответил Смолянин. Это ихняя машина времени.
   Или не ихняя.

...Как рассказал генерал-сержант Кубатай (сам он по-русски больше говорить не пытался, его переводил Смолянин), встретить нас со Стасом было делом всей его жизни. Вообще-то не нас, как уточнил Кубатай, а машину времени, в которой мы прилетели. И лишь попутно – спасти нас и доставить на Землю.

Мне это уточнение не понравилось. Но Кубатай нашего мнения не спросил, а, нахмурившись, посмотрел в пространство и тоскливо добавил:

- Теперь судьба хронопатрульной службы под вопросом...

Мы со Стасом не особенно много поняли. Но переспрашивать не решились.

Снаружи, за открытым люком нашей машины времени, мелькали какие-то люди в желтой форме и беретах на разноцветных волосах. С волосами здесь явно не церемонились и перекрашивали их в любые цвета. Может быть даже, их

попросту красили под цвет рубашки. Во всяком случае, у Смолянина из-под комбинезона выглядывала оранжевая футболка.

Кубатай предложил нам всем пройти в рубку крейсера «из этого злополучного хроноскафа». Честно говоря, выходить нам было страшновато. Все-таки мы с этим самым «хроноскафом» много чего вместе испытали. Но была одна веская причина не отказываться. Стас не выдержал и спросил:

- Смолянин, а у вас на корабле туалет есть?

Наш переводчик наморщил лоб, явно вспоминая слово, и кивнул:

- Конечно, корешок.

И действительно, тут у них все оказалось в порядке. Но это все-таки неприлично, и не буду описывать... Тьфу, опять это слово! В общем, все было в порядке. Между делом я раздумывал о том, что сказал по дороге Смолянин: оказывается, на Земле никаких стран уже давно нет, язык у всех – всеземной, и экипаж в корабле – интернациональный. Здорово...

Но толком обдумать это светлое будущее человечества я не смог, потому что в дверь туалета заскреблись, потом приоткрыли ее, и Смолянин нетерпеливо крикнул в проем:

- Эй, малолетки! Шевелитесь чуть-чуть! Из-за вас торжественную церемонию задерживают! Вся шобла ждет! Освобождайте толчки!
- И он у них лучший переводчик?! возмущался Стас, выскакивая из своей кабинки как ошпаренный. Он что, в зоне языку учился?
- Он, наверное, про свою узкую область, русский язык, прочел все, что смог, предположил я. И учил по всем словарям, включая блатной, и по видюшным фильмам, и по книжкам дурацким...

Но когда мы увидели «торжественную церемонию», всякая охота обсуждать проблемы языковедения у нас исчезла.

Вместе с экипажем мы выстроились возле огромного экрана-иллюминатора, в который во всей своей красе была видна удаляющаяся капсула нашего хроноскафа. А еще был виден ствол пушки, торчащий из-под иллюминатора.

Генерал-сержант Кубатай коротко скомандовал, и один из членов экипажа рванул какой-то рычаг. Ствол пушки дернулся, пол под нашими ногами дрогнул, и на месте хроноскафа образовался яркий огненный шар. Через мгновение он погас, и экипаж сорвал с голов желтые береты. Некоторые всплакнули.

- А как же мы теперь?.. начал Стас. Но я оборвал его:
- Молчи. Может, наш хроноскаф одноразовый? Может, у них таких тысяча?
- А если нет?
- Ну, тогда... Тогда... Я не знал, что сказать. Тогда этот все равно уже не вернешь...

И мы растерянно переглянулись.

Глава вторая,

в которой все веселятся по секрету, а Стас объявляет себя холостяком

Я не раз замечал, что комфорт – штука странная. Каждый его понимает посвоему. Когда мы на шлюпке отчалили к Земле, то, вместо того чтобы любоваться полетом, я, Стас и Смолянин впали в гипнотический сон. Пилотировать шлюпку вызвался Кубатай, так как лично должен был отчитаться на Земле за проделанную операцию. Он и объяснил нам через Смолянина, что теперь всякое нудное ожидание – в дороге, в очереди или когда просто нечего делать – люди проводят в гипносне. И в нем совсем не старятся.

- Очень клево, - с энтузиазмом сообщил нам Смолянин, поправляя очки, которыми страшно гордился, будучи единственным очкариком в мире. - Приходишь, например, к другу, а его дома нету. Входишь в гостиную, и

автоматически включается генератор гипносна. Просыпаешься, когда друг уже вернулся домой. Вот только плохо, если его несколько дней нет. Гостей много скапливается.

Мне это удобство не понравилось, и я сказал, устраиваясь на откидной полке:

- Я бы, перед тем как в гости пойти, сначала по телефону позвонил.
- По видеофону, поправил меня Смолянин и продолжил сокрушенно: Не, не катит, у всех автоответчики есть. Звонишь а тебе говорят: заходи, дорогой.
- Ну я бы сразу определил, что это автомат, сказал я.
- А как? удивился Смолянин. Они же так врут, что не подкопаешься...

Стас, оказавшийся на полке надо мной, прямо как дома, свесился с нее, ехидно покрутил пальцем у виска и хотел мне что-то сказать, но так, свесившись, и заснул. Через миг отключился и я.

А когда проснулся, Стас ворочался на полу: он, балбес, не пристегнулся. Так ему и надо, нечего обзываться, даже жестами.

Я-то думал, что мы выйдем на огромном космодроме, но шлюпка оказалась почему-то не на открытом воздухе, а в застекленном ангаре, похожем на большой парник. Сходство усиливалось тем, что пол устилала зеленая травка, а не какой-нибудь заурядный бетон.

Мы вышли, разминая затекшие руки и ноги. Стас потирал огромную шишку на голове, и Смолянин, поправляя свой бинтик, понимающе ему улыбнулся. Но тут Кубатай значительным тоном что-то произнес, и младший майор начал переводить:

- Добро пожаловать на Землю, корешки. Вы находитесь на территории специального космопорта Департамента Защиты Реальности. К сожалению, пока вам не разрешено свободное передвижение по планете. Кроме того, никто не должен знать, кто вы и откуда.

- Будущее называется, - проворчал Стас, - тюрьма какая-то, а не будущее.

Внезапно из отверстия в стене слева от нас выпрыгнуло что-то сверкающее и поскакало к нам. Сделав последний прыжок, нечто размером с легковой автомобиль шлепнулось в паре шагов от нас. Это и был автомобиль – только не на колесах, а на двух суставчатых лягушачьих лапах.

- Ква-ква, шутя поздоровался Стас, чтобы скрыть испуг.
- Ква-ква! широко улыбаясь, ответил розовощекий усатый мужчина в полосатом комбинезоне, выглядывая из прыгохода. Видно, он решил, что так на русском звучит приветствие.

Я тихонько пихнул Стаса и шепнул:

- Теперь со всеми так здоровайся, понял?
- У них что, чувства юмора нет?
- Есть или нет, потом разберемся, а пока...

Закончить я не успел, потому что розовощекий что-то быстро затараторил. Смолянин дождался паузы и перевел:

- Специальный инспектор Департамента Защиты Реальности Кейсеролл. Приветствую вас и балдею от встречи с представителями древней цивилизации. Уполномочен сделать официальное приглашение на сабантуйчик в вашу честь. Миру - мир. Все в кайф.

Кейсеролл жестом позвал нас в урчащий прыгоход. Входное отверстие за нами затянулось блестящей пленкой, и такая же пленка вмиг отделила нас от кресла водителя, в котором устроился Кейсеролл. И вновь мы неожиданно впали в проклятый гипносон.

Выбравшись из прыгохода, мы опять оказались в сверкающем ангаре, но гораздо меньшего размера. Кейсеролл провел нас довольно унылым тоннелем, и через минуту мы вошли в просторный вестибюль с ковром на полу, безвкусными

люстрами под потолком и портретами на стенах. Я с удивлением узнал тех, кто был изображен на ближайших: Эйнштейн, Наполеон, Пол Маккартни и Ленин. Смолянин перевел гордо сказанную Кейсероллом фразу:

- Тут, ребятишки, все адаптировано под ваше столетие.

Мы подошли к высоким дверям, и они распахнулись.

Огромный зал был полон людей все в тех же желтых комбинезонах. Люди сидели за длинным-предлинным столом. Мы шагнули в зал. Гул возбужденных голосов смолк. Кто-то коротко скомандовал, все вскочили с мест, вытянулись в струнку и хором прокричали:

- Ква-ква!
- Ква-ква, приветливо махнул рукой Стас, а мне вполголоса бросил: Работает разведка.

Я тоже смущенно квакнул, и нас, как виновников торжества, усадили во главе стола. Смолянин, Кубатай и Кейсеролл устроились рядом. Пахло очень вкусно, и только тут я понял, как проголодался.

Все сели, но никто не прикасался к еде. Стоять остался только абсолютно лысый, пожилой, но крепкий и атлетически сложенный человек на другом конце стола. Одет он был в такой же, как у остальных, желтый комбинезон, но весь усыпанный разноцветными нашивками и кисточками.

– Это Ережеп, генеральный директор Департамента, – шепнул Смолянин доверительно, – он тут самый крутой.

Ережеп откашлялся и гнусаво затянул долгую торжественную речь. Я огляделся. Слава Осирису, наши далекие потомки были почти нормальными людьми. Никаких следов вырождения и радиоактивных мутаций я не заметил. Все смуглые и скуластые. Кое-кто был выбрит наголо, но большинство носили коротенькие аккуратные прически. Доминировал розоватый цвет волос, довольно часто встречались зеленый и синий, а у одного, выглядевшего особо молодо, волосы были клоками выкрашены в разные цвета. Парень беззастенчиво

таращился на нас, в то время как остальные лишь изредка с любопытством косились, глядя в основном на генерального директора.

Смолянин начал переводить:

- Секите, чуваки, кто перед нами! Славные путешественники во времени, легендарные аргонавты. Они же по нашим законам являются и величайшими преступниками. Но все мы врубаемся, что там, откуда они прибыли, законов этих не было. Это прикол.

Гости заулыбались и закивали головами.

- Факт их присутствия здесь стал отмазкой тех огромных затрат, которые делались народом Земли на содержание славного флота хронопатрульной службы. А ведь нередко раздавались в наших рядах голоса разных козлов, которые уверяли, что хронопатрульная служба - бессмысленное расточительство, что семьдесят процентов - это еще не повод. Тем больший героизм проявили те сотни клевых парней, которые взялись за выполнение этой неблагодарной миссии.

От этого перевода я немного ошалел.

- Сегодня мы наглядно удостоверились: их героизм и труд не пропали даром. Но сколько классных бойцов космофлота не дожили до этого дня?.. Будем же благодарны судьбе и возрадуемся – и за себя, и за всех, кто уже не может этого сделать. Особо хочу отметить то, что если и раньше наш труд был круто засекречен, то все, что касается нынешних событий, имеет категорию тайны всемирной крутизны...

Гости понимающе закивали, сохраняя суровые выражения лиц.

- И еще, - продолжил Ережеп. - Уверен, и те служащие Департамента Защиты Реальности, которые сегодня несут тяжелую, но почетную вахту на других наших фронтах, например исследуя и охраняя известный вам остров, так же, как и хронопатруль сегодня, рано или поздно будут праздновать свою славную победу. Я закончил. Поприветствуем наших клевых гостей!

Зал взорвался криками, топотом, хлопками и свистом. Прямо как на рок-концерте. Мы подскочили от неожиданности, но Смолянин успокоил нас одним словом:

- Тащатся.

Председательствующий Ережеп еще что-то коротко произнес и уселся на место. Смолянин перевел:

- Ответную речь сказать не западло будет?

Мы переглянулись. Гости в ожидании молчали.

– Давай, Стас, – тихо сказал я, потому что чувствовал: сам под пристальными взглядами сотен глаз вряд ли смогу выдавить из себя и пару слов.

Стас резво вскочил. Откашлялся. Потом почесал в затылке. Затем шмыгнул носом и вытер его. Наконец сказал хрипло и пискляво:

- Ну, это. Ква-ква, короче.

Смолянин перевел, гости опять бурно зааплодировали и засвистели. Стас начал было присаживаться, но вновь наступила тишина, и на него снова уставились в ожидании. Стас осмелел, но, кажется, забыл, что мы не у инопланетян.

- От имени всех людей Земли, начал он, но я шепнул: «Стас, мы на Земле!» и он поправился:
- Точнее, от всех людей двадцатого века всем привет. Мы тут с братом посовещались, я удивленно глянул на него, и вот что решили. Давайте поедим сначала, а потом уж поговорим.

Присутствующие обескураженно молчали, но Ережеп махнул рукой, грянула незнакомая торжественная музыка, и в распахнувшиеся боковые двери в зал, ни на что не опираясь, вплыли круглые плоские платформочки с тремя гибкими тонкими руками-манипуляторами на невысоком штыре посередине.

Я понял, что это – механические официанты. Стас, красный от волнения, сел и отер со лба пот.

- Как я, а? гордо спросил он.
- Нормально, ответил я, хоть и не был уверен, что его речь была достаточно весомой для такого случая. Сидевший рядом с нами Кейсеролл тем временем поглядел на часы, схватился за голову и выбежал из зала. «Очень занятой мужик», шепнул мне Смолянин.

А платформы-официанты двинулись вдоль стола, раскладывая пищу. Ароматы усилились.

- Антигравитация? важно спросил Стас у Смолянина, кивнув на платформы.
- Да, подтвердил Смолянин, антигравитация привилегия Департамента.
- Почему? удивился я.
- Антигравитация и движение во времени явления одной природы, для обычных людей все это насмерть засекречено.
- Почему? повторил я.
- Мне этого вам нельзя рассказывать. А лапшу на уши вешать не хочется. Пускай другие объясняют.

Вокруг уже ели, только к нам платформы все не подъезжали. Стас потянулся было к какому-то блюду, но я заметил, что никто тут ничего не берет со стола сам, и шикнул на него, хоть у меня тоже текли слюнки:

- Ып-сарап, каракуц нямьек. Ук юртак[13 - Сядь на место, каракуц голодный. Не дома (возм., др.-егип.).].

Смолянин удивленно покосился на меня: таких слов в русском языке он не знал.

И тут мы поняли, в чем дело. Люди будущего решили обслуживать нас сообразно традициям нашего времени. Как они их себе представляли. С подносами в руках в зал вошли два официанта. Но что это официанты, я понял не сразу. Одеты они были в черные фраки, ермолки и лапти, а на ремнях у них почему-то болтались огромные сабельные ножны. Приплясывая под музыку, они поравнялись с нами и, поклонившись с деревянными улыбками на лицах, положили на наши тарелки еду. Я не верил своим глазам. Передо мной лежали серые, слипшиеся, такие до боли знакомые столовские пельмени. А на удивительной красоты резной подставке рядом – консервная банка с неаппетитной бурой массой. У меня челюсть отпала, когда я прочел надпись на этикетке (на русском!!!): «Кильки в томатном соусе. Рыбзавод ГКО «Волгорыбхоз», пос. Завгородний Волгоградской области».

- Ненавижу, простонал Стас. В этот миг Кубатай заговорил с нескрываемой гордостью в голосе (я специально больше не употребляю идиотских словечек Смолянина, потому что мне это надоело):
- Сюрприз! То, что вам подали, стоит в десятки раз больше всего остального на этом столе. Более ста лет назад в вечной мерзлоте Таймыра были обнаружены останки древней экспедиции. Специалисты установили, что запасы провианта, пролежавшие там почти пятьсот лет, вполне пригодны к употреблению. Все последующие годы находка в холодильной камере ожидала прибытия предсказанных гостей из прошлого. И вот привычная вам пища дождалась встречи со своими современниками. Любой из присутствующих здесь отдаст полжизни за право отведать эти блюда.
- Так это... замялся Стас, пусть отведают. Я вообще что-то есть не хочу.
- И я, согласился я, отодвигая неаппетитную тарелку.

Сидящие возле нас обменялись недоуменными взглядами. Но я придумал, как выйти из неудобного положения, и попросил Смолянина перевести.

- По русской традиции нашего времени мы предлагаем откушать «пельмень мира».

С этими словами я взял на вилку серый комочек, надкусил отдающее бумагой тесто, положил вилку в тарелку и передал ее Смолянину. Стас, прыснув, сделал

то же и отдал свою тарелку Кубатаю. И тарелки поплыли по столу. Каждый из гостей откусывал понемножку, блаженно закатывал глаза, причмокивал и, передавая блюдо соседу, что-то приговаривал. (Смолянин перевел: «Ништяк».)

Под шумок я отправил по кругу и банку с килькой. А дерзкий Стас, воспользовавшись тем, что я отвлекся, стянул-таки с ближнего блюда ароматную, светящуюся голубым колбаску на тонкой палочке и вцепился в нее зубами. Колбаска хихикнула, и Стас, поперхнувшись, закашлялся.

Чтобы спасти брата, я что есть силы хлопнул его по спине. Кашлять Стас перестал, но я заметил, что все прекратили есть и с любопытством смотрят на нас. Я покраснел от стыда: они, видно, решили, что я Стаса бью. А тот, балбес, отомстил мне самым коварным образом. Невинно улыбаясь, он указал присутствующим на меня пальцем и пояснил:

- Старший. После чего раболепно сложил ладони и поклонился мне. Услышав перевод, гости принялись возбужденно обсуждать происшедшее.
- Между прочим, вкусно, сказал Стас и как ни в чем не бывало принялся доедать хихикающую колбаску. Та веселилась все тише и тише, пока не исчезла окончательно.
- Ну, держись, курдеп, пообещал я, воспользуюсь я своим правом старшего.
- Давай-давай, ухмыльнулся Стас, ты еще не знаешь, какие права я для младших придумал.

Его голубая колбаска пахла так аппетитно, а хихикала так весело, что я решил тоже плюнуть на условности. Взяв такую же, только розовую, я принялся за еду. Вкусно было необычайно. Что-то вроде клубничного мороженого и копченой колбасы. Нет, ерунда получается; этот вкус не опишешь. Моя колбаска хохотала более заливисто, я бы даже сказал, взахлеб.

Председательствующий поднялся и вновь произнес небольшую речь, в которой сообщал, что решением Совета Департамента, несмотря на наше прибытие, хронопатрульная служба расформирована не будет, а продолжит выполнение своих функций. Ведь, кто знает, может быть, подобное путешествие во времени - случай не единичный.

Мрачный до сих пор Кубатай повеселел, достал из ножен огромный кинжал и принялся за еду. Зазвучала тихая приятная музыка. Люди (и мы в их числе) лакомились фруктами и незнакомыми нам яствами, негромко переговариваясь. Когда на нас почти перестали обращать внимание, Ережеп встал из-за стола и подошел к нам. Слегка поклонившись, он с помощью Смолянина спросил:

- Думаю, вы многое хотите узнать у меня?

Стас утвердительно закивал, но с набитым ртом сказать ничего не мог. А я попросил объяснить нам наконец, что это за «защита реальности» и почему флот могли расформировать сразу после нашего прибытия.

- Это тайна всеземной категории (вообще-то Смолянин опять сказал «всемирной крутизны», но так, наверное, будет правильней), - начал он. - Но вы и сами - всемирная тайна. Думаю, ничего страшного не случится, если одна тайна узнает другую.

И вот что он нам рассказал.

Когда ученые теоретически доказали возможность путешествия во времени, они пришли к выводу, что, если кто-нибудь отправится в прошлое, погибнет весь мир.

Мы не поняли почему, и он привел пример. Если отправиться в доисторические времена и поохотиться там на обезьян, можно пристрелить и такую, у которой было много внуков и правнуков, а от этих внуков и правнуков произошли люди. Они построили дома, чего-то там изобрели, написали книги, ну и так далее. Всего этого уже не будет. Мир станет другим. Но ведь и тот мир, из которого мы прибыли, тоже был на самом деле. И вот два этих мира – старый и новый – в одно и то же время оказываются в одном месте. Плотность вещества реальности удвоится, и произойдет взрыв. Не останется абсолютно ничего.

Ережеп добавил, что в теории не надо даже пристреливать обезьяну. Появишься в прошлом, сделаешь вдох, и все – мир переменился. Взрыв – и нет никакого будущего.

Узнав все это, люди так перепугались, что запретили всякие попытки построить машину времени. И была создана специальная организация – Департамент Защиты Реальности (ДЗР), – которая этим и занимается. Его называют просто «Департамент», потому что все, что с ним связано, напрочь засекречено, и к тому же все прекрасно понимают, о чем речь.

Департамент - самая могущественная организация на Земле. Когда надо, он диктует свою волю и Всемирному правительству, а оно слушается без разговоров. У Департамента - куча агентов, и вся информация Земли проходит через него и обрабатывается огромным компьютером. Он-то и обратил внимание на легенду о том, что в двадцатом веке двое братьев нашли машину времени и отправились в будущее. Проанализировав всю прямую и косвенную информацию, касающуюся этой легенды, компьютер, на удивление всему Департаменту, выдал степень вероятности - семьдесят процентов. Значит, отмахнуться от этого было уже нельзя, ведь тот, кто может попасть из прошлого в будущее, может потом, по незнанию, попытаться на той же машине времени вернуться обратно в прошлое. А это - конец. Вот и была создана хронопатрульная служба - чтобы встретить гостей из прошлого и уничтожить их опасную машину.

- Но почему в космосе? удивился я.
- Так подсказала теория. В отличие от путешествия в прошлое, перемещение в будущее безопасно для реальности, но не для самого путешественника. Ведь в будущем на том месте, где он появится, уже есть какое-то вещество, хотя бы воздух. Поэтому появляться можно только в вакууме, в космосе. И ученые решили, что хроноскаф должен быть устроен так, чтобы одновременно с перемещением во времени он перемещался и в околоземное пространство.
- А откуда вы узнали, где именно и когда мы появимся? спросил Стас.
- A мы и не знали. Потому-то хронопатрульная служба и прочесывает все околоземное пространство уже почти двести лет.
- Ясно, сказал Стас. А откуда вообще взялся наш хроноскаф?
- A вот это неизвестно и нам, ответил Ережеп, мы уверены только в том, что нигде на Земле сделать его невозможно Департамент не дремлет. Вероятнее

всего, он был создан какой-то древнейшей цивилизацией, возможно даже нечеловеческой. Но в ход его так и не пустили. Почему – мы можем только гадать. Вероятно, его создатели не сразу, но поняли, какую угрозу миру несет их изобретение...

И тут до Стаса дошло:

- Так вы что, домой нас отправлять не собираетесь?

У меня аж дух захватило, когда он это спросил. Меня ведь самого давно подмывало задать этот самый главный вопрос. Но я боялся услышать ответ...

- Очень сожалею, - сокрушенно покачал головой Ережеп, - но это абсолютно исключено. Постарайтесь понять: прошлого нет. Уже пятьсот лет как нет.

Я почувствовал, как к горлу подкатил комок. Это что же выходит, и мама с папой умерли пятьсот лет назад? А как они, наверное, переживали, когда мы исчезли...

- А если, например, мне тут у вас не нравится? - агрессивно спросил Стас.

Ережеп сочувственно кивнул и развел руками.

В этот момент тихая, льющаяся со всех сторон музыка резко изменилась, стала ритмичной и напористой. Боковые двери зала вновь распахнулись, и к столу подплыли платформы, нагруженные сосудами самых разных форм и цветов. Ясно было, что это напитки. Ережеп вернулся на свое место.

Стас глянул на меня мокрыми глазами:

- Костя, давай напьемся с горя, что ли?
- Балда, ответил я, хотя и сам чувствовал себя паршиво. Кто же тебе даст?
- А вот и даст, сказал Стас решительно и сдернул с проплывающей мимо платформы красивую бутыль с обернутым фольгой горлышком. Похоже, шампанское прошло через века неизменным.

Корча от натуги рожи, Стас с остервенением принялся скручивать с пробки проволочку. Ережеп, Смолянин и остальные сидящие поблизости озадаченно за ним наблюдали. Стас поднял голову, зло глянул на них и пояснил:

- Русская традиция двадцатого века: после еды детям дают шампанское.

Пробка с грохотом вылетела из горлышка и угодила в люстру. Почти полбутылки пеной выплеснулось на стол. Остальное Стас разлил в два странных несимметричных сосуда. Ему, как всегда, поверили, и хлопки пробок раздались со всех сторон. Стас поднял бокал, глянул на меня, шмыгнул носом, вытер свободной рукой глаза и... залпом выдул половину, потом отдышался и допил. Я так не смог. Сделал пару глотков и поставил бокал на место. Стас поморщился и икнул.

- Армахет ытар Сет[14 Пьяница друг Сета (возм., др.-егип.).], напомнил я ему.
- Иди ты, махнул рукой Стас и блаженно откинулся на спинку кресла.

Самый молодой из присутствующих, пестрый парнишка, которого я приметил с самого начала, поднялся с бокалом в руках и что-то сказал.

- Он предлагает выпить за смелых детей, - перевел Смолянин.

Все встали и опорожнили свои сосуды. Выпив, молодой сотрудник Департамента заговорил снова, и Смолянин перевел нам, что тот сгорает от любопытства и хочет о многом нас расспросить. Не будем ли мы столь любезны и не ответим ли мы на несколько вопросов.

- Валяйте, сказал Стас и поднялся с ненормальным блеском в глазах.
- Где и каким образом вы обнаружили хроноскаф?
- Сами сделали, не задумываясь ответил Стас. Взяли швейную машинку, компьютер, бочку из-под кваса и этот... как его... Стас наморщил лоб. Плазмогенератор, вот, прикурочили, и порядок.

Я просто обалдел.

- То есть вы хотите сказать, что пятьсот лет назад людям была известна теория темпорального поля?!
- He, ответил Стас, людям неизвестна. Я ее сам придумал. С ним вот, ткнул он пальцем в меня.

Присутствующие принялись возбужденно обсуждать новость.

- Стас, кончай, сквозь зубы процедил я и показал ему под столом кулак. Но он снова икнул и продолжил пресс-конференцию.
- Вам не кажется, что ваше заявление граничит с абсурдом? порывисто обратился к нему худощавый мужчина с лиловым ежиком на голове.
- Граничит, икнув, согласился Стас. И что?
- А то, что вы дети! вскричал мужчина, по-видимому ученый, ероша тонкими пальцами свой лиловый ежик. Со скольких лет в двадцатом веке юноша считался совершеннолетним?
- С десяти, не моргнув глазом, заявил Стас. Как только исполняется, ему сразу выдают квартиру, швейную машинку и жену.

Это сообщение вызвало еще большее оживление.

- Вы женаты?
- Я? Э-э-э... Нет, я холостяк. Правда же, Костя? Язык его слегка заплетался. Была одна, Швачкина Ольга из четвертого «Б»... Только я решил подумать. Ладно, я устал. Он ладонью остановил желающих что-то спросить, которых становилось все больше. Остальные вопросы потом.

Он уселся на место, откинулся на спинку кресла и моментально заснул. Армахет проклятый. Отдувайся теперь за него.

Но отдуваться не пришлось. Один из присутствующих что-то горячо затараторил. Оказывается, злоупотребляя гипносном, люди давно уже разучились засыпать самостоятельно, и Стасова способность привела всех в восторг и умиление.

Кубатай, не выпуская кинжала, подхватил Стаса на руки и понес из зала. Выглядел он не то как телохранитель юного миллиардера, не то как маньякубийца. Я помахал рукой гостям и в сопровождении Смолянина пошел следом.

Вскоре мы оказались в просторной квадратной комнате без мебели, стены которой плавно меняли цвет и слегка светились. У входа я заметил нечто вроде пульта управления.

Смолянин ткнул в какую-то кнопку, и чуть правее центра комнаты, в полуметре от пола, замерцало овальное облачко. На него-то Кубатай и уложил Стаса. Тот, сладко посапывая во сне, перевернулся на бок. Херувимчик пьяный.

Смолянин объяснил мне, как пользоваться пультом, и мы остались в спальне одни. Теперь я знал, на какую кнопку надо нажать для создания второй гравикровати, на какую – чтобы получить сеанс массажа, какая включает музыку, а какая – гипносон.

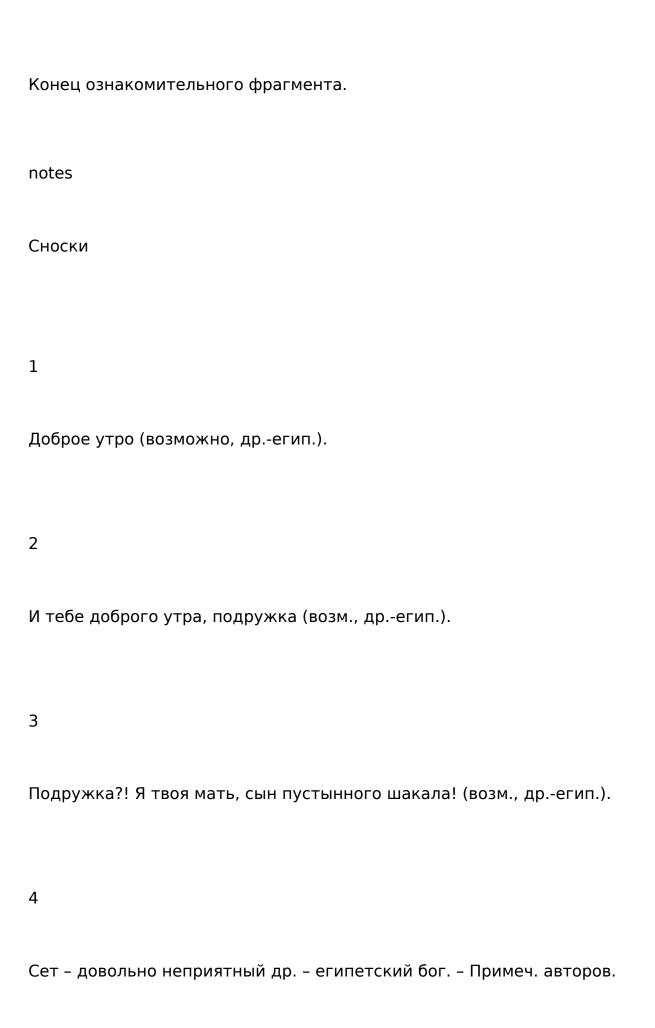
Но этой кнопкой я пользоваться не стал. Хотя мне и не спалось. Я все думал о папе, о маме, о кошках... Даже Вальку Мельника вспомнил с симпатией.

Как же это нас угораздило вляпаться в такую историю?...

Глава третья,

в которой мы собирались ехать на охоту, а вместо этого попали на семинар кулинаров

Я проснулся оттого, что очень захотел пить. Пару минут повозившись с пультом, я открыл дверь. Осторожно выглянул, есть ли кто в коридоре. Идти по чужому дому в одних трусах было неудобно, а одеваться – лень.


```
5
школа (возм., др.-егип.).
6
верблюд (возм., др.-егип.).
7
Рот Сета, вымазанный гнилой едой (возм., др.-егип.).
8
Нецензурно.
9
```

мир; точнее - «время-между-войнами» (возм., др.-егип.).

